

Содержание

Аркадий Островский. От переводчика7

ЛЕОПОЛЬДШТАДТ

СЦЕНА 1	15
СЦЕНА 2	45
СЦЕНА 3	49
СЦЕНА 4	52
СЦЕНА 5	58
СЦЕНА 6	66
СЦЕНА 7	73
СЦЕНА 8	98
СЦЕНА 9	129

*Александра Лавренова. Персоналии и события,
упоминаемые в тексте пьесы* 151

От переводчика

Пьеса “Леопольдштадт” впервые была поставлена в Лондоне в январе 2020 года. Перевод пьесы на русский язык был завершен в декабре 2021 года. Премьера спектакля в постановке А. В. Бородина состоялась в Российском академическом молодежном театре состоялась 16 июня 2023 года.

Действие пьесы разворачивается в Вене в первой половине XX века. На наших глазах рушится благополучная мирная жизнь и семейный уклад большой еврейской семьи, буржуазный европейский город — столица империи — оказывается одержим идеологией и властью фашизма. Малая часть еврейской семьи спасается в эмиграции, большая — погибает в лагерях смерти. Банальность зла, душевная стойкость, насилие над меньшинством.

Том Стоппард, родившийся в еврейской семье в Чехословакии в 1937 году, обладает обостренным чувством истории. Но одна из поразительных особенностей его драматургического таланта в том, что его персонажи продолжают жить за пределами отведенного им сценического пространства и времени и отзываются на события, которым еще предстоит случиться. Именно так складывалась

сценическая судьба героев его трилогии “Берег Утопии”, с постановки которой началось творческое сотрудничество Стоппарда и Бородина.

Герои трилогии — русские либеральные мыслители XIX века, вынужденные покинуть страну в темные годы правления Николая I, — “возвращались” в русскую культуру в начале XXI века в переводе Аркадия и Сергея Островских, исполнении артистов РАМТа и декорациях Станислава Бенедиктова. Премьера всех трех частей — “Путешествие”, “Кораблекрушение” и “Выброшенные на берег” — была сыграна 6 октября 2007 года. (Спектакль продержался в репертуаре театра десять лет.)

В последней сцене Герцен мысленно обращался к Карлу Марксу и к зрителям: “История не знает цели! У нее нет либретто. Каждую минуту она стучится в тысячи ворот и привратником тут служит случай. Нужны ум и смелость, чтобы пройти свой путь, пока этот путь перделывает нас, и нет другого утешения, кроме зарницы личного счастья... но если ничто не предопределено, то значит, все возможно — и именно в этом наше человеческое достоинство... Смысл не в том, чтобы преодолеть несовершенство данной нам реальности. Смысл в том, как мы живем в своем времени. Другого у нас нет”.

Аркадий Островский

СЦЕНА 1

Вена, декабрь 1899 года

На сцене три семьи, находящиеся между собой в родственных отношениях; в двух — смешанные браки. Весь клан принадлежит к состоятельной венской буржуазии. Всего 13 человек. Кроме них, на сцене домоправительница (она же кухарка) Польди, горничная Хильда и няня Яна. Квартира рядом с Рингштрассе заполнена людьми и аляповатой мебелью. Все чем-то заняты. На три семьи восемь взрослых, четверо детей и младенец в люльке. В квартире семьи Мерц, занимающей целый этаж роскошного дома с высокими потолками, теперь живут только глава семейства — бабушка Эмилия Мерц, ее сын Герман, его жена Гретль и их восьмилетний сын Якоб. Две другие семейные группы — гости: младшая сестра Германа Ева, ее муж Людвиг и двое детей — Паули (12 лет) и младенец Нелли. Вильма, сестра Людвига, замужем за Эрнстом. У них две дочери — близнецы Салли и Роза, младше Якоба. Ханна, младшая сестра Вильмы, не замужем.

Гретль не еврейка, Эрнст тоже.

Польди (40 лет) и Хильда — прислуга Мерцев, живущая с ними. Яна — няня маленькой Нелли, но занимается всеми детьми.

С самого начала у каждой группы своя игра. Понять, о чем идет речь, практически невозможно, кроме того, что шоколадный торт со взбитыми сливками уже разложен по тарелкам, которые Хильда и Польди разносят собравшимся. Четверо детей под руководством Яны наряжают рождественскую елку.

Бабушка за столом режет и раскладывает торт, добавляя каждому щедрую порцию взбитых сливок. Ради этого она отложила в сторону семейный фотоальбом, перо и бутылочку белых чернил для подписи фотографий на черных страницах, ворох карточек — старых и новых, любительских и студийных — и стопку наклеек на уголки. Она вернется к этому позже.

Герман стоит чуть поодаль. У него в руках брошюра в 80 страниц, которая вызывает у него возмущение. Ева рассказывает Гретль о скандале, связанном с книжкой, которую она держит в руках¹. Эрнст обсуждает с Людвигом еще одну книгу. Вильма сидит так, чтобы можно было говорить с бабушкой и, если нужно, вмешаться в ссору детей. Она переворачивает страницы фотоальбома. Ханна наигрывает для себя на пианино “*Stille Nacht! Heil’ge Nacht*”. Инструмент отличный.

¹ Книга, которую он держит в руках, — пьеса Артура Шницлера “Хоровод” (1896—1897). Пьесу обвиняли в порнографии. — *Прим. перев.*

Из большой коробки достают елочные игрушки: серебристые шары, колокольчики, сосульки, бумажные гирлянды, черствые пряники, шоколадки в форме животных, солдатиков, музыкальные инструменты и т. д.

Голоса детей заполняют собой все пространство, их реплики перемежают, прерывают, завершают бабушкины указания кухарке, раздачу пирога и приватные беседы между Евой и ее невесткой Гретль, между Эрнстом и Людвигом.

ДЕТИ (*их реплики перемежают разговоры остальных действующих лиц*). Это мой. Яна, он взял мой серебряный шар!.. Салли, не тяни за гирлянду — порвешь... Сюда нужно еще... Снежинки в последнюю очередь... Это сломанная... Мне нужен крючок для оленя... Роза, ты можешь разбросать снег вокруг елки — там для этого есть вата... Рожок работает! Ту-ту! и т. д.

ВИЛЬМА (*показывает фотографию*). Эмилия, это кто?
БАБУШКА. Отец Германа, когда мы только обручились.
ГЕРМАН (*с раздражением бросает свою брошюру*). Идиот!

Видя, что все заняты своим делом, он снова берет в руки брошюру и продолжает читать.

ЕВА (*обращаясь к Гретль*). ...как веноч из одуванчиков — два на два... “Привет” — скидывает юбку —

“До свидания” — “Следующий!” — “Привет” — скидывает юбку — “До свидания” — “Следующий!”

Гретль в изумлении от такой смелости прикрывает рот рукой.

ГРЕТЛЬ. Ева!

ЕВА. ...меня партнеров, как в хороводе.

ЭРНСТ (*Людвигу*). Толкование снов, как ты помнишь, помогло Иосифу освободиться от египетского рабства и заслужить высочайший пост у фараона... Но венское медицинское братство более консервативно, хотя половина его членов до сих пор жила бы на земле Ханаана.

САЛЛИ (*отвлекаясь от елки*). А можно мне тоже, бабушка Эмилия?

БАБУШКА. Можно, когда ты закончишь наряжать елку. Мы только ради вас ее и ставили, маленькие паписты.

ВИЛЬМА. Эмилия, Эрнст — протестант.

БАБУШКА. В любом случае он был хорошим еврейским мальчиком, который много о себе возомнил. Если бросать каштаны через Дунайский канал, то в десяток таких попадешь.

Салли возвращается к елке.

ГРЕТЛЬ (*Еве*). Потом поможешь мне в этом деле?

ЯНА. Роза, кто тебе разрешил есть украшения? Я все видела, милочка!

РОЗА. Я только лизнула.

ЯКОБ. Мам, смотри, у меня звезда для верхушки.
Я хочу сам ее надеть, Яна.

ЯНА. Тогда держись за меня.

Якобу приходится залезть на стул, чтобы дотянуться до верхушки елки. Герман снова отбрасывает брошюру.

Людвиг (*Эрнсту*). Истерия, невроз... чем современной диагноз, тем больше лечение напоминает древнее жречество. Так что да, толкование сновидений — почему бы и нет?

ЭРНСТ. Но у него нет ни связей, ни последователей.
Он бы давно был экстраординарным профессором.

Герман подходит ближе и прислушивается.

Герман (*Эрнсту*). Ему надо ехать в Аргентину. Его там на следующий день сделают профессором.

ЭРНСТ. Почему в Аргентину?

Герман. Или в Африку. На Палестину нет никакой надежды, пока там правят турки. Или на Мадагаскар! Говорят, на Мадагаскаре полно места для еврейского государства.

Людвиг. Мадагаскар, населенный евреями! Само по себе звучит как мечта!

ГЕРМАН (*пренебрежительно*). Несбыточная.

ГРЕТЛЬ (*держит в руках книгу Евы*). Подписано: “Людвигу”!..

ЕВА. Артур не смог добиться, чтобы ее опубликовали, не говоря уже о театральной постановке, поэтому он отпечатал несколько экземпляров для своих.

Спроси у Германа.

ЯКОВ. Мам, смотри!

ГРЕТЛЬ (*не смотрит*). Чудесно, дорогой. (*Ева*) Германа бесит идея своего отдельного государства.

ЕВА. Я оставлю ее тут для тебя.

ЯКОВ. Ты не смотришь!

Гретль и Ева поворачиваются к елке. Ее верхушку украшает большой позолоченный магендовид.

ЕВА (*растерявшись на секунду*). Это ничего?

БАБУШКА (*смотрит*). Ой!

ГРЕТЛЬ. Это очень красивая звезда, дорогой, только ее не надевают на рождественскую елку.

ПАУЛИ. Я ее найду. Я знаю, какая нужна.

ЯКОВ. А чем плоха эта?

БАБУШКА. Бедный ребенок — ему устроили крестины и обрезание на одной неделе. И чего вы теперь от него хотите?

Яков берет правильную звезду у Паули.

ГРЕТЛЬ. Это правда. И оба раза он кричал.

ЕВА. Я не понимаю Германа — кроме всего прочего, он крестился задолго до знакомства с тобой, Гретль, и обвенчался в церкви, как примерный католик! Зачем тогда..

ГРЕТЛЬ. Он просто мужчина и не хочет, чтобы его сын от него отличался.

Ева смеется. Герман невольно втягивается в разговор.

ГЕРМАН. Что вы здесь обсуждаете?

БАБУШКА. Крайнюю плоть. Ханна, ты можешь играть что-нибудь другое?

Ханна перестает играть.

Людвиг и Эрнст прислушиваются.

ЕВА. С Паули у меня все было просто. Мы евреи. Плохие евреи, но чистокровные потомки Авраама, и родители Людвига от нас бы просто отказались, если бы в ванной их внук не был похож на еврея. А если бы я крестилась, как Герман, Людвиг бы точно на мне не женился. Скажи, Людвиг, только честно!

ЛЮДВИГ. Женился бы — после их смерти.

ЕВА. Это комплимент?

ЛЮДВИГ *(спокойно)*. Чти отца и мать своих. *(Замечает реакцию Вильмы.)* Я не хотел, чтобы это так

прозвучало. (*Кланяется Эрнсту.*) И Эрнста. Конечно. Математика, кажется, единственный язык, на котором можно точно изъясняться. Тебе надо в этом году поехать к маме с папой на Седер, Вильма. Вместе с Эрнстом и девочками, конечно.

Вильма. Да, надо съездить. Может быть, это последний раз.

Людвиг (*Герману*). И вы с Гретль тоже, разумеется.

Будет хорошо, если дети проведут Седер вместе.

Гретль. Я приеду. А что такое Седер?

Герман (*Людвигу*). Ты, очевидно, считаешь, что принять католичество — это все равно что вступить в жокейский клуб.

Людвиг. Разница небольшая, разве что в католики принимают кого угодно.

Вильма. Позволь мне сказать, Герман, в тебе есть какой-то снобизм по отношению к дедушке и бабушке Якобовиц.

Герман. Во мне?

Вильма. Да, в тебе. Снобизм по отношению к тому, как они говорят, как вставляют слова из идиша, как одеваются — словно иммигранты из какой-нибудь галицкой деревни, — хотя они там живут и держат там магазин. Они слишком местечковые для тебя.

Герман. Это не снобизм. Это... ладно, снобизм, я согласен.

ГРЕТЛЬ. Я бы хотела поехать в Галицию. Это было бы так интересно!

ГЕРМАН. Что в этом интересного?

ЕВА (*примирительно*). В таком случае все могут собраться на Седер у нас. Правда же, Людвиг?

ХАННА. О да, пожалуйста, Ева!

ВИЛЬМА (*Ханне*). А как же мама с папой?

ЕВА. И они тоже приедут! Увидеть Вену — это будет для них настоящий праздник. И всего одна пересадка на поезде.

ВИЛЬМА. На каком поезде? Им только до поезда ехать полдня. И она захочет взять с собой постельное белье, не говоря уже о еде, которой хватит, чтобы открыть ресторан. Она будет три недели готовиться, с каждым днем все больше нервничать и переживать, как она оставит магазин... на самом деле, с ее сердцем это смертельный номер.

ЛЮДВИГ. С ее сердцем все в порядке, но даже если...

ВИЛЬМА. Кто ты такой, чтобы так говорить?

ЛЮДВИГ. Ты хочешь сказать, кто такой доктор Лисак, чтобы так говорить. Но даже если...

ВИЛЬМА. Хорош сын! Мама и папа от всего отказались, только чтобы ты поступил в университет и им было кем гордиться!

ЛЮДВИГ. Я с тобой соглашался.

Ханна, сидящая за пианино, взрывается.

ХАННА. А как насчет меня? Кто-нибудь когда-нибудь будет гордиться мной, тем, что я куда-то выбилась? Тебе легко рассуждать, Вильма. Ты о маме не очень беспокоилась, когда подцепила университетского друга своего брата и тебе было все равно, еврей он или готтентот! Я хочу приехать в Вену на Песах.

Гретль подходит к ней, чтобы утешить.

ГРЕТЛЬ. И приедешь! Правда, Герман? Когда у нас Песах?

ГЕРМАН (*пожимает плечами*). Не знаю. В марте, апреле... В любом случае мы, скорее всего, опять поедem в Италию, на озера, в следующем...

ВИЛЬМА. Нет! (*Обращаясь к Гретль*.) Перестань вмешиваться. Мы поедem к маме с папой. Может быть, это ее последняя возможность показать, что она простила меня за то, что я вышла замуж за Эрнста.

БАБУШКА. А если не простила, то можешь привести девочек ко мне на Песах, Вильма. Если только он не совпадает с Пасхой. Рождество меня мало беспокоит, потому что младенец Иисус представления не имел о том, что происходит, но пасхальные яйца я плохо перевариваю.

ГЕРМАН (*Эрнсту*). Ты, кажется, лишился дара речи. Эрнст. Как тут его не лишиться?

ГРЕТЛЬ. В любом случае мне надо идти позировать.